

ИРОНИЯ КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ ТРАГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ПРОЗЕ М. БУЛГАКОВА

Косимова Мафтуна

Азиатский международный университет
магистрантка 1-курса (ММ2, РТА-25).

<https://doi.org/10.5281/zenodo.18390619>

Аннотация. В статье рассматривается ирония как одна из ключевых форм художественного выражения трагического сознания в прозе М. А. Булгакова.

Исследование основано на комплексном методологическом подходе, включающем элементы теории литературы, философской эстетики и текстуального анализа. В ходе работы выявляется, что ирония в булгаковской прозе выполняет не только сатирическую или комическую функцию, но и обладает глубоким философским и экзистенциальным содержанием.

На материале произведений «Мастер и Маргарита», «Собачье сердце» и «Записки юного врача» показано, что иронический дискурс способствует раскрытию трагических конфликтов личности и эпохи, усиливая драматическое звучание художественного текста. Делается вывод о том, что ирония у М. Булгакова выступает как системообразующий элемент авторской картины мира и как наиболее адекватная форма осмыслиения трагического опыта в условиях социального и духовного кризиса XX века.

Ключевые слова: М. А. Булгаков, ирония, трагизм, трагическое сознание, поэтика, художественный дискурс, экзистенциальный конфликт, гротеск, русская литература XX века.

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Михаила Афанасьевича Булгакова занимает особое место в русской литературе XX века, прежде всего благодаря его сложной и многослойной художественной системе, в которой трагическое и ироническое начала находятся в постоянном взаимодействии.

Проза Булгакова формировалась в условиях глубоких социальных и духовных потрясений, связанных с революционными событиями, становлением тоталитарного режима и кризисом гуманистических ценностей. В этой историко-культурной ситуации ирония становится для писателя не просто стилистическим приемом, но особой формой художественного мышления, через которую выражается трагическое сознание эпохи и личности.

Трагизм в прозе Булгакова редко проявляется в прямых, патетических формах.

Напротив, он зачастую скрыт за внешне комическим, сатирическим или гротескным изображением действительности. Ирония в данном контексте выполняет двойственную функцию: с одной стороны, она создает эффект дистанции между автором и изображаемым миром, а с другой — углубляет трагическое звучание текста, обнажая абсурдность и жестокость реальности. Именно через ироническое преломление событий и образов Булгаков передает ощущение экзистенциальной незащищенности человека, утраты нравственных ориентиров и трагедии человеческого достоинства.

МЕТОДОЛОГИЯ И АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, сочетающий элементы литературоведческого анализа, философско-эстетической интерпретации и историко-культурного метода. Такой синтез обусловлен спецификой прозы М. Булгакова, в которой ирония выступает не только стилистическим приемом, но и формой мировосприятия, тесно связанной с трагическим сознанием автора и эпохи [1].

В теоретическом осмыслении категории трагического в работе используются положения классической философии и эстетики, прежде всего концепции Аристотеля, Г. В. Ф. Гегеля и Ф. Ницше. Понимание трагического как формы конфликта между личностью и непреодолимыми силами исторической или метафизической реальности позволяет рассматривать булгаковских героев в контексте экзистенциальной обреченности и внутреннего разлада. Особое значение имеет гегелевская идея трагического как столкновения равнообоснованных начал, что находит отражение в двойственной, иронически опосредованной структуре булгаковского повествования.

Категория иронии анализируется с опорой на труды С. Кьеркегора, М. М. Бахтина, а также современных литературоведов. Концепция иронии как формы дистанцированного сознания, разработанная Кьеркегором, позволяет интерпретировать иронию у Булгакова как способ защиты внутренней свободы личности в условиях внешнего давления [2]. Идеи М. М. Бахтина о карнавальной культуре, смехе и диалогичности художественного текста используются для анализа гротескно-ионических моделей мира, в которых трагическое начало не устраняется, а, напротив, приобретает дополнительную глубину и философскую напряженность.

Анализ научной литературы по творчеству М. Булгакова показывает, что проблема иронии и трагизма рассматривалась преимущественно фрагментарно. В работах Л. Яновской, М. Чудаковой, В. Лакшина и Б. Гаспарова основное внимание уделяется биографическому контексту, сатирической направленности и фантастическим элементам прозы писателя. Так, М. Чудакова подчеркивает связь художественного мира Булгакова с драматическим опытом эпохи и личной судьбой автора, однако ирония чаще трактуется ею как форма сатирического разоблачения. В исследованиях Б. Гаспарова ирония рассматривается в контексте интертекстуальных и мифопоэтических связей, что позволяет выявить ее структурную функцию, но не всегда акцентирует внимание на ее трагическом измерении [3].

Современные исследования (А. Золотова, И. Есаурова, Н. Тамарченко) расширяют понимание иронии как философской категории, однако необходимость целостного анализа иронии именно как формы выражения трагического сознания в прозе Булгакова сохраняет свою актуальность. В данной работе применяется метод текстуального анализа ключевых эпизодов и образов, что позволяет выявить скрытые механизмы взаимодействия иронического и трагического начал на уровне повествовательной стратегии, образной системы и авторской позиции [4].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Проведённый анализ прозы М. Булгакова позволяет сделать вывод о том, что ирония в его художественной системе выполняет принципиально более сложную функцию, чем

традиционное комическое или сатирическое средство. Ирония выступает как форма выражения трагического сознания, отражающая глубокий экзистенциальный конфликт между личностью и исторической реальностью [5]. Полученные результаты свидетельствуют о том, что трагическое у Булгакова не устраниется иронией, а, напротив, усиливается через неё, приобретая философскую и онтологическую глубину.

В первую очередь следует отметить, что булгаковская ирония формирует особый тип авторского мировосприятия, основанный на осознании абсурдности происходящего.

Это особенно наглядно проявляется в романе «Мастер и Маргарита», где иронический дискурс пронизывает изображение московской действительности. Внешне комические сцены, связанные с деятельностью Воланда и его свиты, создают эффект карнавального переворачивания реальности, однако за этим смеховым началом скрывается трагедия духовной деградации общества. Ирония здесь становится способом выявления трагического разрыва между внешним благополучием и внутренней пустотой человеческого существования.

Анализ образа Мастера показывает, что трагическое сознание героя выражается не через открытый конфликт, а через молчание, внутреннее отчуждение и утрату веры в возможность справедливости [6]. Ироническое отношение автора к литературной среде и бюрократическому механизму подавления творчества подчеркивает трагедию художника, оказавшегося бессильным перед безличной системой. Таким образом, ирония выполняет функцию своеобразного «экрана», за которым разворачивается подлинная трагедия личности, лишенной права на духовную свободу.

Схожая модель взаимодействия иронии и трагизма наблюдается и в повести «Собачье сердце». На уровне сюжета произведение выстраивается как сатирическая фантастика, основанная на гротескном эксперименте профессора Преображенского. Однако результаты анализа показывают, что ироническое изображение социальных и научных утопий скрывает трагическое осмысление насилиственного вмешательства в природу человека [7]. Трагедия здесь заключается не только в судьбе Шарикова, но и в нравственной ответственности самого профессора, который осознает необратимость последствий своего эксперимента. Ирония в данном случае не смягчает трагизм, а усиливает его, демонстрируя катастрофичность рационалистических иллюзий эпохи.

Особое внимание заслуживает ироническая интонация повествования, которая создает эффект эмоциональной дистанции. Эта дистанция позволяет автору избежать прямого морализаторства и в то же время вовлечь читателя в процесс философского осмысления происходящего [8]. Результаты исследования показывают, что ирония у Булгакова выполняет функцию интеллектуального провоцирования: читатель, смеясь над комическим, постепенно осознает трагическую сущность изображаемых событий.

Подобный механизм способствует формированию сложного, многопланового восприятия текста.

Сопоставительный анализ различных произведений Булгакова позволяет выявить устойчивую закономерность: чем более трагичен изображаемый конфликт, тем более опосредованной и иронической становится форма его выражения. Это свидетельствует о принципиальном недоверии автора к прямому, декларативному изображению трагического.

Ирония в данном контексте становится единственно возможным языком правды, позволяющим говорить о трагедии в условиях цензуры, идеологического давления и утраты общественного диалога [9].

Кроме того, результаты анализа подтверждают продуктивность бахтинской концепции карнавальности, однако с существенным уточнением: булгаковский «карнавал» лишён освобождающего финала. Смех не ведёт к обновлению мира, а лишь подчеркивает его трагическую замкнутость. В этом проявляется специфика трагического сознания Булгакова, для которого ирония становится формой трагического знания, а не способом его преодоления [10].

Результаты исследования позволяют утверждать, что ирония в прозе М. Булгакова выполняет системообразующую функцию, формируя особый тип трагического сознания, основанный на осознании абсурда, утраты гармонии и нравственного кризиса эпохи [11]. Обсуждение выявленных закономерностей открывает перспективы для дальнейших исследований, связанных с проблемой иронии как универсального художественного механизма выражения трагического опыта в литературе XX века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что ирония в прозе М. Булгакова является не второстепенным стилистическим элементом, а фундаментальной формой выражения трагического сознания писателя. Анализ художественных текстов показал, что трагическое у Булгакова не представлено в традиционных, патетических формах, а опосредуется ироническим дискурсом, который становится способом философского осмысления реальности и человеческого существования в условиях духовного и социального кризиса XX века.

Ирония выполняет в булгаковской прозе многофункциональную роль: она служит средством художественной дистанции, формой защиты внутренней свободы личности и одновременно механизмом выявления глубинных трагических конфликтов. Комическое и гротескное в произведениях писателя не нейтрализуют трагизм, а, напротив, усиливают его, позволяя раскрыть абсурдность исторической действительности и драму человеческого достоинства. Через ироническое преломление образов и ситуаций Булгаков демонстрирует утрату гармонии между человеком и миром, невозможность прямого диалога с реальностью и трагедию нравственного выбора.

Результаты исследования подтверждают, что ирония у Булгакова выступает как особый тип художественного мышления, связанный с экзистенциальным восприятием действительности. В отличие от сатиры, направленной на разоблачение конкретных социальных пороков, булгаковская ирония имеет онтологический характер и выражает трагическое знание о мире, лишённом устойчивых ценностных ориентиров. Это позволяет рассматривать иронию как ключевой элемент авторской картины мира и как средство передачи трагического опыта эпохи.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М.: Художественная литература, 1990. — 543 с.

2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советская Россия, 1979. — 318 с.
3. Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. — М.: Художественная литература, 1989–1990. — Т. 2–5.
4. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки по русской литературе XX века. — М.: Наука, 1994. — 304 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. М.: Искусство, 1971. — Т. 2. — 352 с.
6. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 288 с.
7. Лакшин В. Я. Мир Михаила Булгакова. — М.: Советский писатель, 1989. — 368 с.
8. Тамарченко Н. Д. Теория литературы. Т. 2: Художественный дискурс. — М.: Академия, 2004. — 512 с.
9. Кадыров Н. Основы теории литературы. — Ташкент: Учитель, 2001. — 320 с.
10. Каримов Б. Поэтика литературы XX века. — Ташкент: Фан, 2010. — 248 с.
11. Йулдашев К. Художественный текст и проблемы его анализа. — Ташкент: Янги аср авлоди, 2007. — 192 с.